

- Кому?!
- Властям. В исполком.
- Так церковь отделена от государства. Понимаете вы: маца отделена от государства.
- Все, — кончилась. Можно расходиться.
- Я сейчас разойдусь. Если я разойдусь, вам всем мало места будет!
- Не расстраивайтесь. Скоро ее вообще перестанут выпекать. Для кого?.. Не первой необходимости продукт.
- Мы будем стоять тут до победного конца! Я хочу увидеть своими глазами, как им будет стыдно, что они лишили моего ребенка настоящего бульона.
- Если понадобится, ляжем поперек этой машины. А вы можете уходить. И мы ушли. Остались, они — решительные, готовые на все, и маца. Маца, которую мы потеряли.

Павлиний хвост. Об Одессе

...Одесса — шумный, пестрый, многоцветный город. Одесситы любят прихвастнуть:

- Одесса — "кусочек" Парижа.

Не знаю. В Париже не бывал. Но если Париж — огромная территория, застроенная десятью Одессами, то там должно жить невероятно скучно.

Нет ничего печальней театральной неоправданности. Одесса же, если верить первым впечатлениям, — самый театральный, самый нарочитый город России.

Город, где дома — сплошной амфитеатр кресел, улицы — красные дорожки между кресел, лиловые шары электричества — огни рамп, а пышные декорации заменяет море, обступившее город с трех сторон.

Но в этом прекрасно устроенном театре нет хороших актеров.

Душа этого декоративного города умирает. Приглядываясь, замечаешь, что в Одессе ничто не серьезно. Подует ветер, и пыльные декорации дрожат сверху донизу.

Много прекрасных широких улиц, но, в сущности, живет и дышит только одна улица:

Екатерининская.

В этой груди два легких:

- Робина!

- Фанкони!..

Ришельевская — улица конфетти. Дерибасовская — улица серпантин. Это сплошное корсо, причем Ришельевская веселится как-то благородней и сдержанней, а Дерибасовская веселится истеричней.

Хрипло дудят рожки цветных автомобилей, лоснятся золотистые бока лихих жеребцов, мечутся длинные трамвайные вагоны — карнавал, сплошной карнавал, но где-то за фасадами домов, грубо расцвеченных метлахскими плитками, слышится призрачный перезвон:

- Бом!.. бомм!.. бомм!..

Это пир во время одесской чумы... Зачумлена, запугана, забита в один дальний угол самая жизнь Одессы.

Этот угол — Екатерининская улица, где все реально, живо.

*Л. Пасынков, Лео — псевдонимы фельетониста 1910-х годов Лейбы Пинхусовича Грейшмана. Сотрудничал в газетах "Биржевые ведомости" и "Приазовский край". Приведенный набросок был напечатан 30 сент. 1913 года в "Одесском понедельнике" (газета выходила в августе-сентябре 1913, редактор — известный журналист П.М. Пильский).

Оба легких, Робина и Фанкони, попеременно вдыхают и выдыхают свежий воздух спекуляций.

Здесь еще видна старая Одесса.

Не знаю. Надо полагать, что здесь сидят и пьют пахучее мокко только робинзоны старой Одессы, выброшенные на чужой берег.

Они не знают Дерибасовской. Они не хотят знать Ришельевской.

Они знают только эти две кофейни, где в черных потоках кофе, как в темных волнах Леты, они топят воспоминания о прошлом.

Скучно. Скучно.

Торопят колокола времени:

Бом... боммм!..

А они сидят, тянут сквозь сморщенные старческие губы теплую гущу кофе и слушают.

Всегда мне казалось почему-то, что Одесса, по преимуществу, город, где преобладает тип русско-еврейский...

Но оказалось, что греки здесь чувствуются сильней.

Старые греки очень старых времен.

Такие экзотические лица я видел только в Таганроге, греческом городе, полном анекдотов о греческом золоте и греческом раздольном житье.

На них песочного цвета смешные макинтоши. Вокруг низеньких воротничков обмотан широчайший пестрый галстук, освещенный игрой бриллианта. Красно-синие блики камня играют и на пробритых подбородках, опущенных мягкими седыми бакенами.

Это старая гвардия Одессы.

Чем они живут?.. Работают ли? Анекдоты рассказывают? Кормятся ли с ренты?

Во всяком случае, они не голодны.

Как важные ночные филины, сидят они, неподвижные, у мраморных столиков, свесив кисти рук за решетку ограды. Здесь целая выставка ювелирной лавки. Пухлые волосатые пальцы унизаны огромными камнями. Красные, сиреневые, опаловые, синие камни — на две витрины Баржанскому хватит...

В них видна порода. В них видна кровь, густая, как хороший греческий коньяк.

* * *

Бом... бомм...

Колокола времени звонят.

Вечный карнавал приморского города шумит полумиллионом голосов...

"Городок" — пятый угол

Стулья разбегаются, как тараканы!

Эту крылатую фразу Остапа Бендера я вспомнил на церемонии вручения премии "Мастер Гамбс", которая уже в четвертый раз состоялась в Одессе в дни Юморины. Ее обладателями стали писатели, поэты, артисты, режиссеры, композиторы, журналисты, представляющие различные регионы некогда единого сатирического и юмористического пространства.

Отрадно, что и в нынешнем високосном году вышеупомянутые — не тараканы, а стулья — устремились в нашу с вами сторону, где им привычнее.

К своему 70-летию Михаил Жванецкий пополнил свой гарнитур четвертым стульчиком. А вот у Олега Школьника — креслице-первенец.

Очередное мебельное прибавление и у обитателей "Городка". Юрий Стоянов и Илья Олейников получили еще две четвероногие бронзульки. Закономерно, что вручили их лауреаты же этой премии Ирина Полторак и Владимир Трухнин.

Таким образом, у горожан уже пять почетных посадочных мест. И это — рекорд "Мастера Гамбса"! Достаточно произвести простейшее арифметическое действие, чтобы "узнать, досуг имея", что им осталось получить еще семь, и все "12 стульев" вернутся на историческую родину.

Поздравляем творческий коллектив "Городка", снимающий у нас угол на пресечении Дерибасовской и Ришельевской, и объявляем им об очередном повышении квартплаты. Как и прежде, берем самой стойкой валютой — смехом и, на худой конец, улыбками.

Успех гарантируем.

Феликс КОХРИХТ